

Странствия

«Путем взаимной переписки»

Все шестьсот верст от Москвы до места ссылки Потанин прошел пешком. Таким было его первое путешествие после освобождения из Свеаборга. «Слыхали ли Вы о городе Никольске Вологодской губ.? — пишет он в феврале 1872 г. Н. М. Ядринцеву. — Вероятно, нет. А вот это именно тот самый город, куда я переселился нынешней осенью из Свеаборга. Итак, пишите: в город Никольск Вологодской губ. Г. Н. Потанину...»¹ Между друзьями возобновляется оживленная переписка, знакомиться с которой и сейчас интересно и поучительно. Ведь пишут друг другу двое ссылных, еще не имеющих представления о своей дальнейшей судьбе, заточенных в глухом российском захолустье. Ядринцев отбывал ссылку в Шенкурске Архангельской губернии, Потанин — немного южнее.

В Никольске не насчитывалось и двух тысяч жителей. Городок был деревянным, за исключением нескольких казенных строений. В одном из них — полицейском управлении — Потанин провел ночь. Его соседом по каталажке стал крестьянин, задержанный за са-

мовольную рубку леса в казенных дачах. На другой день Григория Николаевича определили на постой к городовому. Там, на «кухоньке», и прожил Потанин два года, постепенно сойдясь с хозяевами, расположив их к себе. Круг общения Потанина был ограничен несколькими ссыльными, и он часто пишет Ядринцеву. Николай Михайлович как человек импульсивный, нередко поддавался минутным настроениям, впадал в депрессию, и общение с товарищем, единомышленником, несомненно, было для него жизненно необходимо. Но в письмах друзей нет жалоб на превратности судьбы, нет растерянности и уныния. За годы, проведенные в Свеаборге, Григорий Николаевич не написал ни одного письма — он отказался от права переписки. Теперь наверстывал упущенное. Первое, о чем Потанин просит своих корреспондентов, — книги. Его письма заполнены перечнем новых книг, журналов, статей и газет. Живя очень скромно, он не отказывает себе в единственном — в возможности читать. Он просит прислать ему Дарвина и Миддендорфа, Радлова и Завалишина, «Азиатский вестник» и «Отечественные записки»... Потанин просит не оставить его без «лакомого блюда» и выслать «Известия Географического общества». Ему интересно все — ситуация в столичных журналах, планы товарищей, новости зарубежной науки, известия из Сибири. С горечью пишет Григорий Николаевич Ядринцеву: «Скучно на нашем Востоке! ... Услышит ли эта глухонемая страна наши громы? Что наши громы? Ее не могут разбудить громы небесные! Есть ли еще где-либо такие электрические грозы, какие бывают в сухом климате Сибири? А в ней вон ключи не текут круглый год — навечно замерзли. (Известно ли Вам, что в Якутской области нет ключей, т. е. не то что нет, а есть вечно замерзшие ключи.) Сибирь — страна, в которой самый громкий гром и нет журчания ключей. От этого-то в ней только слоны бессмертны, а люди, умирая, не оставляют никакой памяти...»²

И все же друзья с оптимизмом смотрят в будущее, их письма полны иронии и подначек. Осенью 1873 г. Ядринцев, например, пишет в Пикольск: «Посылаются Вам порты, носки и полотенце. Катерина Федоровна рубаху начнет шить. Порты она сделала длинные, но это потому, что, вероятно, имеет представление о Вас,

как о великом человеке. Из интеллектуального товара совсем не нашел что послать. Сперанский еще нужен. ...Забыл сообщить, примите к сведению, что порты выпрядены у нас дома. Я караулил, чтобы портно и „беленье“ не было похищено, когда сушилось, как здесь бывает. Фабриковалось у меня на кухне, и это символ протекционизма»³. Отзвуки экономических «штудий» Ядринцева, его политических интересов мы находим и в других письмах, уже в форме серьезного диалога с Потаниным. Оказавшись в более благоприятной, нежели его товарищ, ситуации, Ядринцев не прерывал связей с передовыми деятелями русской общественной мысли, журналистами и издателями. После ссылки Потанин мог прочесть некоторые статьи Ядринцева, в которых тот развивал мысли о необходимости предоставления самостоятельности провинциям, развитии просвещения.

Первое время в Никольске Потанину приходилось, однако, думать о более прозаических вещах: одежде, хлебе насущном. По совету домохозяйки, свыкшейся с «политическим» постояльцем, он даже посадил под окном грядку картофеля. Однако урожая ему увидеть не удалось. Администрации вдруг пришло в голову, что следует собрать всех ссыльных губернии в одном-двух городах, дабы сократить число солдат, надзиравших за неблагонадежными. Решили всех поляков собрать в Устюге, а русских отправить в Тотьму. И вновь, под охраной солдат, Потанин пешком тронулся в путь. Вынужденное путешествие длилось десять дней, с 6 по 15 августа 1872 г., но природная любознательность и исследовательский талант Потанина превратили его в настоящую этнографическую экспедицию. Четверть века спустя журнал «Живая старина» опубликовал обширную работу Потанина «Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы». Обстоятельства «этнографического путешествия» в журнальной публикации не раскрываются, и, читая работу, трудно себе представить, что материалы для нее были собраны всего за десять дней, притом в столь неподходящей обстановке. Потанин истосковался по любимой работе, он жадно вглядывался в приметы обыденной жизни народа. И это не «дорожные впечатления» скучающего путника, хотя много лет спустя сам Потанин и говорил, что «переход в Тотьму имел вид приятной прогулки»⁴.

«Этнографические заметки...» — вторая крупная работа по этнографии. Потанин дает исключительно точное описание местности, по которой пролегал его путь, отмечает особенности растительного покрова, водного режима, климата, из мельчайших деталей он составляет картину общегеографических условий жизни на русском Севере. От его внимания не ускользает и то, как вписывается крестьянское хозяйство в реальное природное окружение, где располагаются пашни и укосы, как строятся поселения. Потанин никогда не был географом «академического» толка, но стремился через природу познавать общество, его нужды и интересы. Вероятно, в ссылке он впервые имел возможность увидеть воочию ту самую крестьянскую общину, на которую они с Ядринцевым несколько лет назад возлагали такие надежды в деле прогресса Сибири. «Прислушиваясь к тайным желаниям современного простого народа, — писал Потанин в «Этнографических заметках...», — я во всех общинах замечал боязнь именно перед такой бурной общинной жизнью и недоверие к собственной силе, опасение, что община, предоставленная себе самой, не обуздает внутри себя собственной властью, без помощи начальства, восставшие против общего благосостояния элементы»⁵. Потанин видит в обогащении некоторых членов общины опасность для ее будущего и полагает, что государство может играть роль опекуна сельской общины.

Экономика крестьянского хозяйства исследуется Потаниным разносторонне. Он интересуется взаимоотношениями внутри семьи, свадебными обычаями, обращает внимание на такие непарадные стороны действительности, как проституция. Во время остановок для ночлега он выспрашивает у собеседников сведения о приметах и обычаях. Так, ему удалось узнать, что в крае существует любопытный обычай подавать прошения лешим. Человек, потерявший лошадь, оставлял в лесу «прошение», написанное на большом берестяном полотнище. Прощение писали „особым“ почерком и приколачивали к дереву. Сжато, но весьма информативно Потанин описывает самые разные стороны народного быта: ремесла и трудовые навыки, одежду и блюда крестьянской кухни (упоминая, например, о том, что кое-где картофель варят, опуская в посудину раскаленные камни), поговорки и «игрица», народные названия рас-

теий и образчики местной речи. Описывает Потанин игры детей (ланта, в быка, в медведя и пр.), игрушки (сосновые шишки и черепки от посуды), коллективные занятия детей (во время сбора в лесу ягод они выбирают «барина») и т. д.; здесь же сообщаются детские прозвища и дразнилки. В целом это материалы хорошо спланированной и организованной этнографической экспедиции, если забыть о том, что исследователь сам находился под бдительным надзором солдат.

В Тотьме Потанин пробыл недолго. Собрал в городок половину политических ссыльных со всей губернии, начальство, наконец, сообразило, какие неприятности это повлечет за собой. Ведь в Тотьме незадолго до того была открыта учительская семинария, а прибывшие ссыльные могли внести смуту в юные души. Потанин отправился обратно в Никольск, в свою «кухоньку». Нечаянная экспедиция закончилась, продолжалась уже достаточно привычная жизнь ссыльного. Возвращение в Никольск — «вологодское Тимбукту», как шутливо его называл Потанин, — пришлось на зиму. Вновь перед глазами Потанина улица, засыпанная снегом, по которой выются лишь две тропинки: одна в церковь, другая — в кабак. Георгий Николаевич равно не жаловал оба учреждения. По возвращении он узнал, что в Никольске появился новый ссыльный — студент Казанского университета Константин Викторович Лаврский. Тот даже толком не знал, за что был сослан, но не унывал, навещаемый знакомыми и родственниками. Знакомство с Лаврским положило начало серьезным переменам в жизни Потанина...

Летом 1873 г. Потанин, Лаврский и Лутохин (также ссыльный студент, приехавший в Никольск из Тотьмы вместе с Потаниным) часто выбирались в лес, по северному редкий на болотах и густой за рекою. Однажды они остались ночевать прямо в лесу, чтобы утром послушать пение птиц. Потанин не оставлял своих обычных занятий: собирал гербарии, жуков. В письмах к Ядринцеву он просит того собрать сведения о северном олене: «где проводит зиму, где лето; в какое время года роняет рога, в какое ярует, мечет телят ... инокродческие названия оленей и разных предметов, относящихся до его культуры. Нет ли преданий о жертвоприношениях оленей». Несколько месяцев спустя Пота-

нии добавляет: «Нет ли таких преданий, что прежде олень сам выходил в деревню к известному празднику и давал себя заколоть? Здесь олень водится на моховых болотах, лежащих на водоразделах рек; у вас не так же ли?»⁶ Возобновив связи с Географическим обществом, Потанин пишет статьи для его изданий. Однако главным полем его деятельности в это время становится «Камско-Волжская газета», в которой сотрудничал К. В. Лаврский.

Эта газета, издававшаяся «два года и несколько дней», — явление в провинциальной журналистике незаурядное. Она выходила в Казани в 1872—1874 гг., где тогда жили известные востоковеды Н. И. Ильминский и В. В. Радлов, где студенты университета не раз доставляли администрации заботы своим вольнодумством. Политические ссыльные, рассеянные по окраинам империи, не упускали случая выступить на страницах провинциальных газет. В «Камско-Волжской газете» активно сотрудничали и Потанин с Ядринцевым. В годы жесткого прессы цензуры им тем не менее удавалось говорить о наболевшем. Какими бы мелкомасштабными не казались нам газетные «бури» тех лет, стоит помнить, что в условиях тоталитарного режима именно пресса играла роль зеркала общественного мнения, а нередко она и формировала это мнение. Достаточно сравнить провинциальные газеты вековой давности с теми, что еще недавно мы получали по утрам, чтобы убедиться: сравнение не всегда в пользу последних. Можно ли себе представить публикацию в областной газете статьи политического ссыльного? Более того, политический ссыльный — а таковым и был Потанин — советует редактору газеты, что, по его мнению, следует в газете изменить.

«Камско-Волжская газета» не без усилий Потанина и Ядринцева стала выходить за рамки поволжской газеты. В ней появляются материалы из Енисейска, Омска и Томска, а также статьи, посвященные сибирским проблемам. Потанин печатался в газете под псевдонимами «Авесов» и «Карымов». В одной из статей («Сырьевая дорога») он писал, что «Сибирь — страна исключительно земледельческая, и в этом заключается одно из главных условий, задерживающих ее прогресс». Однако это не значило, что Потанин стал безоговорочным сторонником индустриализации Сибири. В письме

И. М. Ядринцеву Потанин рисует такую картину «промышленного будущего» Сибири, как бы увиденную глазами сибирского буржуа: «...фабрики дымят и покрывают копотью дворцы, свистят паровозы, жандарм выкрикивает: станция Зашиверск! 15 минут! На морском берегу доки, груды выгруженных товаров в ящиках и бочках, лес мачт, выпела реют; капитал растет и пр., и пр., рабочие же умирают с голоду, на Ушаковке возник своего рода Вайт-Чапел (Уайт-Чапл), бледно-желтые лица женщин, голые дети, не выходящие из-под лохмотьев, служащих вместо одеяла... Такими же картинами нужно сглаживать свое сочувствие развитию мануфактуры. Нужно дать понять, что если мы и говорим о развитии фабричности, то с оговоркой».

Потанин не может примирить в себе два начала: с одной стороны, он понимает необходимость и неизбежность промышленного освоения Сибири, с другой — видит, что колониальное положение края в условиях его хищнической эксплуатации может только усугубиться. В те годы у Григория Николаевича не было, да и не могло быть готовых рецептов улучшения сибирской жизни: он полагал, что «у сибирского населения все впереди; это белый лист бумаги, на котором трудно сказать, что напишет жизнь»⁷.

«Камско-Волжская газета» начала даже «нападать» на столичную прессу, критически разбирать ее публикации. Тут особенно отличался Ядринцев — все-таки он был талантливый публицист, и под его пером рождались яркие картины и общественной жизни, и литературных нравов. Казанская газета, благодаря, в основном, Потанину и Ядринцеву, быстро обрела свое лицо. Выражение этого лица властям не очень, пожалуй, понравилось, а вот столичные литераторы заметили дерзких провинциалов. В публикациях Потанина и Ядринцева последовательно проводилась идея «областного провинциального возрождения». Друзья вновь начали с того, на чем семь лет назад были остановлены в Сибири. «Горячка сепаратизма», — как назвал сам Ядринцев их юношеские затеи, была излечена самой жизнью, но рациональное зерно осталось, и ныне оно любовно взращивалось. Можно сказать, что казанская газета стала первым областническим органом, где между судебной хроникой и объявлениями были выказаны многие идеи областничества.

Еще в ссылке Потанин обращается к Ядринцеву с советом написать статью о необходимости открытия сибирского университета. Сам он в статье «О необходимости умственных центров в провинции» формулирует те же мысли следующим образом: «Наука должна служить обществу, она должна быть средством для улучшения жизни народных масс, а не для минутных умственных удовольствий интеллигенции; чтобы она не теряла этих целей из виду, необходимо поставить ее под контроль общества, провинции, массы; для этого необходимо ее популяризировать»⁸.

После закрытия газеты (издание которой стало невозможным, так как просмотр ее был поручен московскому цензору) областнические идеи друзья-изгнанники развивают в письмах. Размышляя о причинах жизненной неспособности государства, Потанин обращается к примеру швейцарской конфедерации. «Я хочу написать статейку,— пишет он Ядринцеву в феврале 1874 г.,— чтобы показать, как хорошо бывает в маленьких государствах, где все общественные деятели знают друг друга, где масса близко стоит к домашней жизни своих вождей, где для каждого в общественных делах существует самый пронизательный контроль, где последствия нового закона не только скоро обнаруживаются и делаются общеизвестными, но даже легко предвидятся, где общественный деятель действует не по аналогиям, не как теоретик, часто далекий от жизни, а как участник местной жизни...»⁹

Григорий Николаевич в ссылке имел достаточно времени для того, чтобы подумать о причинах неудач, постигших сибирское движение. Как можно разбудить общественное сознание сибиряков? То, что именно сибирский патриотизм поможет возрождению края, у него сомнений не вызывало. Близкое знакомство с жизнью другой российской провинции показало, что и Сибирь, и европейский Север поражены общим недугом. Окраины спят, разоренные колониальной политикой центра, обессиленные и безвластные. Бюрократическая централизация, достигшая в России своего абсолютного воплощения, есть великое зло, тем более, что имперское сознание нивелирует все местные особенности и интересы,— к такому выводу он пришел. Только полноценное чувство малой родины может сделать для человека реальностью и его принадлежность

к большой Родине. Полагая, что воспитание такого чувства — задача педагогики, Потанин садится за учебник родиноведения.

По мысли автора, это должен быть учебник «концентрического родиноведения», в котором исходной точкой обширного мира для ребенка становится его город или село, его собственная школа. Мир природы и человека в учебнике описывается тремя концентрическими кругами. Первый круг — ближайшие окрестности школы, знакомые детям по непосредственному жизненному опыту. Второй круг — область (понимаемая Потаниным как некая историческая и географическая целостность, обладающая культурными и экономическими особенностями). Наконец, третий круг — Россия.

Замысел Потанина удивляет своей масштабностью и цельностью. Лучшие учебники того времени («Родное слово» Ушинского и «Наш друг» Корфа) создавались для всей страны и не могли в равной мере удовлетворить интересы разных областей. Ученик деревенской школы начинал знакомиться с природой со слов «тюльпан», «нарцисс» и т. д., а весь строй учебников был нарочито усредненным. Потанин справедливо полагал, что «Юг России должен иметь свою книгу, Север — свою... Только тогда ребенок Семеновского уезда не встретит чуть ли не на первой же странице описания мериносовых овец и сусликов, а степняк Херсонской губернии рассказ о белке». Более того, каждая своеобразная область России должна иметь, по мысли Потанина, свой учебник, опирающийся на реалии местной природы. Вот как описывал Потанин проект учебника для города Никольска: «Мой учебник будет описывать окрестности города Никольска, ручей, текущий за кладбищем, озерко ниже этого ручья, бор вверх по югу, окрестности Осиновой деревни, поля пахотные, деревню Аксентьевку, течение реки Мелентьевки, пристань, на которой строятся барки, винокуренный завод, наконец, самый город Никольск. Затем следует география целого уезда. Учебник этот содержит описание органического мира уезда и местной общественной жизни. В нем будут даны местные образцы для всех терминов географических, как, например, мыс, водопад, дремучий лес, бор, болото, озеро, остров, рукав, верхнее, среднее и нижнее течение, суша, вода, коса,

мель, пристань, русло, обнажение, коренная почва, нанос, изменность и проч. Я собираю материал и в лесу, и в канцеляриях для этого учебника». Уже вернувшись в Петербург, Потанин дополняет свой план: «Тут будет описано, каким изменениям подвергается местная почва от действия воды, какие на ней совершаются механические перемещения вещества, как образуются новые фoрмации, как эти изменения отражаются на местной органической жизни, где она вследствие этого исчезает, где расцветает, наконец, какие изменения вносит человек. Все это должно быть представлено во взаимной связи, чтобы перед учащимся возникла ясная картина жизни, которая совершается кругом, был ясен путь, по которому идет природа»¹⁰.

Сегодня мы бы сказали, что Потанин собирался писать учебник по экологии и, что особенно привлекает в его замысле, — учебник предполагалось создавать на основе местных материалов. Наряду с родиноведением каждый сельский учитель должен был иметь в своем распоряжении азбуку и хрестоматию, также приобщающих ученика к культуре его малой родины.

Работу по созданию подобных учебников Потанин намеревался развернуть в провинциях с привлечением местных сил. Он понимал, что многие краеведы просто не знают, куда приложить свои знания и умения. Таким образом, идеи «концентрического родиноведения» затрагивали не только школу — они могли бы пробудить к активной деятельности и местное общество. Через собирание коллекций, гербариев, описание родной природы и общества, через просвещение — к общественному сознанию провинции — таков путь, предлагаемый Потаниным. Ему нельзя отказать в последовательности и логичности. Увы, идея Потанина оказалась глубоко чуждой тогдашней педагогике. Осуществление этой идеи было несовместимо с централизмом и единообразием, господствовавшими в народном просвещении. Таких учебников нет и поныне...

Исправник в Шенкурске с интересом прочитывал переписку ссыльных друзей (бывший гвардейский офицер, он говорил Ядринцеву, что делает это только «ради любопытства»). Между тем, бессрочная ссылка вовсе не вдохновляла Ядринцева и Потанина. В столице остались друзья и единомышленники, там шла активная политическая и литературная жизнь. За плечами у По-

танина и Ядринцева было уже по девять лет тюрьмы, ссылки, унижения несвободой. Они подали прошения на высочайшее имя. (Кстати, Потанин отправил прошение в тот же день, когда писал в письме Ядринцеву о преимуществах республиканского строя Швейцарии.) У обоих в столице были влиятельные заступники, знавшие талантливых молодых людей и понимавшие необходимость их вызволения. К этому времени Ядринцев оказался в положении более тягостном, нежели его старший друг. Николай Михайлович пережил смерть товарища по шенкурской ссылке и остался в тягостном одиночестве. Здоровье у него было слабое, нервы расстроены... можно, пожалуй, полагать, что Ядринцев совершенно искренне писал царю, что раскаивается «в тех увлечениях, в которых виновата молодость». (Впрочем, такова была и этика отношений между отверженным и монархом, условность которой все прекрасно понимали.) Цель была одна: вернуться к полноценной жизни, деятельности на благо общества.

Некоторые историки нашего времени склонны квалифицировать прошения о помиловании как «примирение с царизмом», тем более, что Потанин и Ядринцев в своих автобиографиях не упоминают о прошениях, написанных «в тоне слезно-униженном, с выражением верноподданнических чувств императору», повторяющихся и в личных письмах. Достаточно, однако, ознакомиться с публицистикой Ядринцева, чтобы убедиться в том, что ему вообще был присущ стиль, отличающийся педалированием чувств и эмоций, образных преувеличений и т. п. Советские историки привыкли оценивать общественные движения с позиций их готовности к классовой борьбе. А кропотливую и самоотверженную работу по просвещению общества, отрицание братоубийственной борьбы они рассматривали как свидетельство «гнилого» либерализма¹¹. С легкой руки ортодоксов отечественной истории позднейшего времени сами понятия «либерал», «реформатор», «земство», «просветительство» стали однозначно негативными, а стремление разделить патриотов отечества на истинных и заблудших доводило порой до абсурда...

В августе 1874 г. Потанин получил помилование. Задержавшись в Никольске на некоторое время (он собирал материалы для своего учебника родоноведения), он уезжает в Нижний Новгород, а затем в сто-

лицу. Уехал Потанин вместе с женой — Александрой Викторовной, урожденной Лаврской. Навещая сосланного брата, она познакомилась с его новым товарищем, а затем стала его женой. Александра Викторовна, дочь священника из Нижнего Новгорода, классная дама епархиального училища, стала не только спутницей во всех странствиях Григория Николаевича, но и единомышленником, другом, советчиком. С этого времени знакомые и друзья всегда говорили о Потаниных.

В Петербурге Потанин первым делом навестил Ядринцева. Последний раз друзья виделись в Омске, когда закованного в кандалы Потанина готовились увезти в Свеаборг. Шесть лет спустя они встретились, полные надежд и планов. Среди новых начинаний важное место занимал проект издания сибирской газеты. Кроме того, Потанин продолжал свои занятия по составлению дополнений к книге К. Риттера «Землеведение Азии», Ядринцев составлял для нового генерал-губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова записку о необходимости основания в Сибири университета. Казалось бы, жизнь налаживалась. И все же шлейф «преступного» прошлого тянулся за обоими. Даже сорок лет спустя Потанин еще числился в неблагонадежных, что мешало ему поступить на государственную службу. Когда же в Иркутске стала выходить обновленная газета «Сибирь», то полицмейстер произвел обыск у ее сотрудников на том основании, что они имели сношения с «сибирскими сепаратистами» Потаниным и Ядринцевым. Жаандармы (по определению Потанина — «ультрарусская должность») никогда не выпускали областников из поля зрения. Политический и материальный прессинг Потанин ощущал постоянно.

Еще в ссылке он писал Ядринцеву: «Перезнакомьтесь же с членами Географического общества, поступайте в него поскорее. Книга Ваша «Русская община в тюрьме и ссылке» дает Вам право на членство... Господи! Буду ли я когда-нибудь сидеть на коне!..»¹² Обычно сдержанный и даже замкнутый, Потанин здесь выдает свое сокровенное желание — продолжить путешествия по Азии. И — вот совпадение! — в тот самый день (19 февраля 1874 г.) Ядринцев пишет своему другу, что П. П. Семенов, давнишний благодетель Потанина, предлагает ему принять участие в планируемой

экспедиции на Аму- и Сырдарью. Потанин соглашается, хотя мечтает о путешествии в Северо-Западную Монголию. К Средне-Азиатской экспедиции Потанин присоединиться не успевает: она покидает столицу весной, до получения им помилования. Кто знает, как могла бы сложиться дальнейшая судьба Григория Николаевича, отправься он тогда в Среднюю Азию...

Осенью того же года Потанин сообщает К. В. Лаврскому, что его участь решена. Он подал в Географическое общество записку с обоснованием необходимости своей экспедиции «в страну урянхов», и общество дало «добро» на поездку. Готовится к экспедиции Потанин основательно. Он занимается в Ботаническом саду, где пользуется как библиотекой, так и гербарием. В русском гербарии он обнаружил собственные экземпляры флоры Южного Алтая, собранные им десять лет назад. Для того чтобы собирать в экспедиции петрографические коллекции, Потанин знакомится с основами геологии под началом профессора А. А. Иностранцева, изготавливает шлифы, занимается микроскопическим анализом горных пород. С той же целью летом 1875 г. он сопровождает Иностранцева в его поездке по Крыму.

«Сибирь» (Иркутск), 1875 г.

№ 6. «Первые проблески гласности»... Нам трудно усвоить понятие, что гласность есть первая священная принадлежность каждого развивающегося общества. ...И вот, вместо того чтобы радостно приветствовать у себя первые проблески зарождающейся гласности, многие из нас стали бросать в нее камни. ...Погребая местную печать, они отдаляют возрождение целого края на неопределенное время.

№ 11—12. «Что такое рабочий народ в Сибири?» — А. Щапов.

№ 26. «Из путевых заметок Сибиряка». — Авесов (псевдоним Потанина. — *Ам.*).

«Сибирь», 1876 г.

№ 2. «Архивный вопрос в Сибири». — Авесов.

№ 3—4. «Социальные потребности Сибири». — А. Щапов.

№ 5—6. «Сибирская фракция писателей по г. Мордовцеву». — Авесов.

№ 15. «Алтай, его экономическое положение». — Авесов.

№ 37.

...В Москву из Иркутска пришел 55-летний отставной казак Иркутского казачьего полка, который просил отправить его в Сербию на театр войны. Желание его было исполнено...